СОВЕТСКИЙ СЕВЕР

769

ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

10

1931

ИЗДАНИЕ КОМИТЕТА СЕВЕРА ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК

Г. М. Василевич

К ВОПРОСУ О ТУНГУСАХ, КОЧУЮЩИХ К ЗАПАДУ ОТ ЕНИСЕЯ

В о многих описаниях Сибири, в этнографических и географических работах мы до сих пор встречаем Енисей, как западный предел распространения тунгусов. В действительности же тунгусы проникли к западу от Енисея не только до Оби, но и частично на систему Иртыша и давно освоили самые глухие участки водоразделов.

В настояще время к западу от Енисея в разных местах кочуют группы тунгусов. В пределах верхнего Таза 29 хоз.[1]. По Елогую, Туруханy и Бахте 37 хоз. (мат. прип. пер.), по Сыму и Дубчасу 37 хоз., в районе Обь-Енисейского канала около 25 хоз.[2]). На обских притоках, не считая Кети в районе канала, тунгусы[3] занимают шесть территорий, а именно по рр. Орловой, Лисице, Пайдуче (пр. пр. Кети). По верховьям Тыма и на левобережье в Васьюганье по бассейну р. Чажапки (пр. пр. Васьюгана). Всего в Васьюгане насчитывают 22 хоз., а на правых притоках до 50 хоз. Западнее мы встречаем тунгусов в верхней части бассейна Демьянки (пр. пр. Иртыша) 11 хоз.[4]. На севере кочевки тунгусов, хотя и редко, но доходят до Обдорска[5]. На юге до сих пор по притокам Чулыма в районе с. Маковского кочует 6 хоз. Таким образом к западу от Енисея кочует свыше 200 хоз., принимая в среднем (мин.) на хоз. 4 человека, мы имеем здесь больше 800 тунгусов.

Из родов в северной части преобладают Баяки с русской фамилией Бояриновы (от Тазы до Кети), а в южной Кима—Лихачевы (от Демьянки до Енисея). Среди последних кочуют роды: Кему-Тугунчины, Кильтыно-Кузнецовы и Толстых Турумби-Делилцины и Кесских (последняя фамилия встречается среди енисейских кетов), Чэмба — Ивигины.

В литературе, за исключением небольшой работы Орловой Е. Н., мы имеем только попутные заметки, отмечающие

---

1) В. Скалон. В тундре верхнего Таза. „Сов. Сев." 3, 1930. с 130.

2) Переписью этот район не был охвачен, данные сведения собраны мною от сымских тунгусов в 1930 г.

3) Орлова. Нарымские тунгусы Раб. Н.-пром. эксп., т. I в. 4. с. 48—49

4) В. Васильев. Река Демьянка. Тобольск. 1929 г., с. 32 Шухов Ин. Зыряне Тарск. окр., с. 103. В Тарск. округе автор зарегистрировал тунгусов, остяков и тунгусов он считает абориченами края.

5) В. Бартенев. На крайнем сев.-зап. Сибири СПБ. 1896, с. 52.

встречи с тунгусами. Литературные указания о времени перехода тунгусов через Енисей не заходят далее первой четверти прошлого столетия. У Патканова[1] говорится, что «в прежние времена по левую сторону Енисея жил один Милитский род[2] по р. Сым (Лихачевы); все же прочие роды проживали по правую его сторону, в виду чего нахождение этих последних родов свидетельствует, что переселение за Енисей совершилось недавно, при чем начало этого переселения не восходит за первую четверть истекшего столетия». Миддендорф отметил это явление, как новое; то же в 50-х годах отметил Костров. Кастрен[3], указывая на тунгусов Подкаменной Тунгуски, говорит «жили по этой реке (повидимому они имеет в виду нижнее течение, авт.) прежде и тунгусы, но по слухам они впоследствии в полном составе выселились на Елогуй».

По переписи 1897 г. по левую сторону Енисея в Анциферовской вол. было зарегистрировано 31 д. и по верхнему Тазу, Худоле и Пол-кы 90 д., при чем Милитский род (Кима-Лихачевы) кочевал по Сыму и доходил до Кети и Кеми на юге. Но Питско-Варагонский род (Делицины—Турумби. Кузнецовы—Кильтыно) был зарегистрирован только в бассейне р. Пид (пр. пр. Енисея).

Летом 1930 г. мне удалось собрать среди сымских тунгусов родословные. Любопытнее всех родословная р. Баяки. Это очень старый род, больше 10 поколений, разделившийся на две ветви — Баяки и Баяки-Пильпа. Разделение произошло на левобережье в северной части всего района, «когда кочевали около Елогуя и Турухана». Когда произошло разделение, тунгусы точно не помнят, во всяком случае через ряд поколений уже 8 дедов Баяки-Пильпа кочевали в пределах Дубчаса-Сыма-Кети. Собственно Баяки остались на Тазе — Турухане Елогуе и только 4 поколений назад одна из ветвей последних перешла на Дубчас и стала кочевать в пределах Дубчаса—Сыма.

Род Кима (на левых средних притоках Подкаменн. Тунгуски в 1926—27 г. мною был встречен р. Кимоль, по всей вероятности это часть одного и того же рода, оставшаяся при передвижении тунгусов на запад в район Анчары, и в настоящее время перешедшая на бассейн Подк. Тунг.) также разделился на левобережье на две ветви. Каждая из них

---

1) „Оп. геогр. и стат. тунг." ч. I, с. 164.

2) По р. Чулым жили татары Малетского рода. Тунгусы, вышедшие с Чулыма на Сым четыре года назад, рассказывали, что часть тунгусов там осела и живет по-русски, а „татарские слова, как тунгусские", возможно что тунгусы жили там давно и успели ассимилироваться с татарами, внеся в язык свою лексику (автор).

3) Reiseber и Brief aus d. y. 1845—49. 5.476.

помнит по 5—6 поколений, при чем жив еще 120-летний Хибдявуль, родившийся на одном из притоков Оби и рассказывавший о героях из своего рода, которые много поколений назад кочевали по Обь-Енисейскому водоразделу. Вторая ветвь кочевала все время в районе с. Мелетского по притокам Чулыма. По рассказам общий дед этих ветвей кочевал одновременно со сказочными героями.

Из рода Кему (в районе Туринской базы по прит. Н. Тунгуски кочует р. Комуканер) шесть поколений кочевали по Кети — Сыму, приход их с востока, судя по преданиям, произошел до прихода русских. Род Кильтыно кочует здесь 5 поколений, при чем 5-й прошел с р. Пид, где до сих пор кочуют их родственники. Возможно, что указания Шаткановa на переселение в 30—40-х г. прошлого столетия имели в виду этот факт.

Из рода Турумби помнят только 4 поколения, кочевавших и кочующих до сих пор по притокам Оби.

Предания имеют в виду два периода, до русских и после прихода русских. В них тунгусы делятся на «болотных» левобережных и «каменных» или «бродяг» — правобережных. Все они пропитаны борьбою, войнами, состязаниями этих групп. Причиной войн был недостаток женщин или желание помериться силами и ловкостью. Герои наделены особыми качествами: мужики (тунгусы, правобережные) убили Шиктовуля (из р. Кима), вырвали сердце, нашли сердце совсем другое, мясо волосатое»...

...«Когда окружили бродяги каменные юрту Шоринчо (из р. Танимо, теперь уже вымершего), он вылетел в дымовое отверстие, испугав их, солнцем упал, потом собакой убежал, потом, став змеею убежал: змею бродяги стали рубить, рубят, а мясо сращивается»... Многие из них наделены особой силой или ловкостью. Герои, зачастую они же шаманы, делаясь временными военоначальниками, об'единяли по 40—100 тунгусов в отряд, вооруженный мечами и луками, и шли против врагов. Состязания — бои происходили не только между героями, но и между отрядами и между шаманами в умении искусно шаманить. Правобережные переплывали через Енисей и подымались 7—8 дней по рекам (как раз к верхним течениям). Иногда бои кончались обменом или выдачей женщин победителям. В одном из преданий род Танимо на правобережье борется с родом Тутугир (проживающим ныне по ср. теч. Н. Тунгуски). В другом один из правобережных узнает в своем враге родственника. Любопытно, что во всех этих преданиях не фигурируют олени, передвигаются на лодках или пешком, кроме того, здесь не участвуют кеты, в то время, как в «сказках» — мифах и шаманском эпосе кеты встречаются. В преданиях.

(минеральная черная краска). Фишер [1] подметил это, отметив в примечании, что Ангара (нижн. теч.) — Енисей называлась Иоандези, а Енисей до Ангары назывался Кем. Русские, выйдя впервые на Енисей ниже Ангары и встретив название Иоандези, переделали его в Енисей. Ангару же в нижнем течении они называли Тунгускою, ибо там были стойбища тунгусов, выше в районе расселения бурят ей дали название Ангара.

Вполне возможно, что позже, благодаря географическим условиям (колоссальные болота, черная тайга) и связанной с ними недоступности водораздельных пространств, а также окружению другими национальностями, эти группы тунгусов не поддавались учету. До сих пор еще, по рассказам тунгусов, многие из нарымских тунгусов не охачены советизацией. Таким образом часть западных тунгусов пришла сюда задолго до русских, жила и живет здесь до сих пор совершенно обособленно. Благодаря этому эта группа тунгусов как в быту, так и в языке сохранила много первобытности, отличающей ее от правобережных соседей.

Как шли сюда тунгусы, откуда и к какой группе они стоят ближе всего? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо разобраться в следах первобытности, бытующих до сих пор.

Здесь я отмечу только черты, утерянные полностью или частично другими тунгусскими группами.

Начну с материальной стороны их жизни. Как и все, эти тунгусы охотники-оленеводы, но способы охоты их значительно отличаются от остальных. Здесь существует «ходьба», отличная от «ходьбы» безоленных тунгусов, живущих в смежных с русскими районах. Весь период охоты они кочуют пешком, применяя оленью езду на санках самоедского типа только в больших кочевках с Енисейских притоков на Овские (тунгусы время от времени меняют «свои» места) или для выездов на факторию. Мужчины здесь совершенно не ездят верхом. Зима разделяется на два периода — «большая» и «малая» ходьба (в промежутке выезжают на факторию). На эти периоды олени оставляются без присмотра на ягельниках в борах, а сами тунгусы кочуют по тайге за белкой. Для передвижения служит корытообразная нарточка, в которую впрягаются мужчины и женщины. В помощь последним впрягается одна и редко две охотничьих собаки. Если же нарточек нехватает, замораживают шкуру, на нее накладывают все необходимое, связывают, и, привязавши лямку, тянут как, нарточку [2]. До сих пор у

[1]) Ibid, с. 273.

[2]) Еще Георгий в XVIII в. выделил группу звероловствующих тунгусов, которые кочевали пешком и только некоторые из них имели вьючных оленей от 2 до 10 голов. Опис. всех нар. ч. III, с. 41—43.

многих из них сохранился лук, длиною до 1,5 м двояковогнутый, изготовляемый из 3 сортов дерева (ель с сосной или лиственница с кедром для всего лука и черемуха для кончиков лука). Концы склеивают с основой рыбьим клеем и обматывают берестой. Раньше дерево сушили неделями и месяцами, теперь сушат 3—5 дней. Охотятся из лука на зверя и белку. На первого стрелы с железными наконечниками, на белку деревянные с тупыми концами. Не так давно лук пользовался широким распространением.

Размеры летних кочевок сведены до минимума. Стоят на месте по 2, а иногда и по 4 недели, расстояния между стоянками 1,5—3 км, летом на оленях едут только больные и малые дети. Женщины ездят только при больших переездах. Если вьюки велики или очень тяжелы, тогда запрягают в санки пару оленей. Обоз из вьючных и ездовых оленей — обычное явление в летнее время. Иногда летом на санях выезжают за мукою на факторию. Летняя санная езда у других тунгусов нигде не встречается.

Юрты летом строят без срединной жерди, что также не встречается у других тунгусов. В отличие от «остяков»[1]) они покрывают юрты наполовину нюком из рауги, сукна или холста и наполовину берестяными тисками. Летом юрта законопачивается со всех сторон, кроме дверного отверстия и служит коптильней для шкур и ровдуг. Дым от гнилушек на 0,5 м от земли не выходит из юрты. (огня в юрте стараются не разводить). Вся жизнь переносится на улицу к дымокурам. В юрте только спят и пьют чай, если работают, то только у самой двери.

Одежда, за исключением летней, в остальном полностью сохранила национальные черты. Кафтан, покрывающий плечи, спину и руки и оканчивающийся острым мысом сзади, не даром носит название «миролон» (наплечник) или «шобдондро» (наспинник из соболя), что свидетельствует о том, что когда-то тунгусы набрасывали на спину и на плечи шкуру. Узкий нагрудник, закрывающий грудь, только один из всей одежды имеет половые отличия, а именно: у мужчин он оканчивается острым мысом, у женщин внизу прямой срез. Только названия да украшения отличают мужскую одежду от женской. Одежду нижнего пояса (хорьки, ноговицы и унты или локоми) носят все круглый год. Брюки до сих пор не вошли в обиход, надевают их только при выезде в город или на Енисей. О нижнем белье не имеют понятия. Этот национальный костюм состоит из трех смен: зимней для больших морозов, весенне-летний, осенний и к этому у каждого имеется особый зашитый би-

[1]) Полнее см. от Сымск. тунг. С. С. 1931, 2.

сером с массою длинных лент и прядей волоса на спине, надеваемый раз в году на весеннем празднике «оживления природы». Нагрудник целиком и спина праздничного кафтана сшиваются из множества узких меховых полосок белого и темного тонов. Между ними прошиваются полоски из мелких зубчиков, что дает рисунок из мелких бело-черных квадратиков. Равдуга окрашивается красным суриком, приготовленным на рыбьем клее. Для раскраски существуют специальные берестяные трафареты, через которые пропускается краска.

Волосы не стригут, прическа у всех одинаковая: волосы собраны на макушке в пучок и перевязаны полоской, зашитой бисером. Национальная шапка сохранилась только у нарядного костюма. Она имеет форму, характерную для тунгусов, но наушные спуски заменены подвесками из корольков и металла, а сама она вся состоит из полосок (одна полоса охватывает лоб и от лобной полосы к макушке пришито 4—5 полосок), зашитых сплошь бисером. Обычно же носят на голове платок (ж. надевают по-русски, м., положив жгутом вокруг лба, завязывают концы на затылке под пучком волос), некоторые из мужчин носят фуражки, шляпы и шапки, доставляемые кооперацией. На дождливые дни начинают входить в обиход готовые пальто. Татуировка лица шитьем уже вывелась, сейчас доживают только единичные старики с разрисованным лицом [1]).

В рыболовстве употребляют особый снаряд «пэчэр», это большой поплавок, сделанный из дерева, соединенный с деревянным крючком веревкой из кедрового корня. На крючок насаживают наживку — мелкую рыбу. А также удочка «пэхи» с наживкой из пучка белого подшейного волоса оленя. На оба снаряда ловятся щуки. Запоры на речках делают из тонких жердей, перевязанных длинными корнями. Весь запор в форме восьмерки ставится поперек реки. В узком месте соединения двух петель оставляют небольшое входное отверстие. Морду оставляют до замерзания реки. Позже во льду делают прорубки над петлями мордызапоры и плетеным черпаком выбирают нужное количество рыбы.

В области космогонической идеологии, в представлении о происхождении земли играют роль вода и птица. На второй стадии, когда вода уже появилась, идет борьба между

---

1) Еще до получения сведений о тунгусах до русских казаков дошел слух о „пегой орде", проживающей в районе Чулыма. По этому поводу Фишер высказывает предположение „м. б. россияне получили также темное известие о писанных узорами лицах тунгусов, как которые некоторым образом по справедливости пестрыми или пегими названы быть могут". Ibid с. 200.

двумя братьями, старший — доброе, младший — злое начало. При чем последний играет роль в увеличении земли (подр. в ст. «Религ. — космогон. предст. тунг. пече). В создании человека играют роль птица и медведь. Культ медведя здесь имеет значительно большие следы, чем у других тунгусов. Медведь — это культурный герой. Он пожертвовал собою, чтобы дать тунгусам оленеводство и все производство, связанное с ним.... Медведь сказал: «меня убей, разрежь, сердце мое положи спать с собою, почки мои положи на главное место (за очагом), двенадцатиперстную кишку и прямую кишку положи напротив, шерсть высыпи в сухую ямку снаружи, тонкие кишки повесь на сухое дерево, голову положи около главного места». Она все сделала, как медведь говорил. Утром проснулась, смотрит: «напротив сидят старик со старухой, на главном месте двое детей играют, за ними старик спит, снаружи олени бродят, на сухом дереве узды висят»... В другой «сказке» говорится... «медьведь (утонувши) заговорил: «пятки пусть сделаются брусками, голени — точилом, спина — мялкой, череп — камнем для растирания красок, кровь — красной краской, кал — черной краской»...

Убивают медведя с обманным обращением. Шкуру медведя также с обманными обращениями должен снять человек из другого рода. В лапах и глазах медведя содержится особое счастье, дающее удачный промысел и долгую жизнь.

Здесь же сохранился праздник «оживления», обновления природы после зимней спячки, соединенный в настоящее время с шаманским обрядом обновления частей одежды и бубна.

Устраивают его в апреле в период «умудян» (об'единение). К этому времени сходится до 15—20 юрт, чтобы узнать о жизни на предстоящий год. В специально устраиваемой большой юрте, обставленной внутри и снаружи охранителями (деревянные болваны со слабым подобием лица), ведут тунгусы с утра до вечера восьмидневный хоровод, проходя весь путь предстоящего года и в конце концов убивая дикого оленя. Смерть эта и является символом оживления, воскрешения зверей и природы «обновления жизни», как говорят тунгусы. У других тунгусов этот хоровод уже потерял свое религиозное значение.

В области социальной надо прежде всего отметить названия родов. Как видели выше, ни одно родовое название не оканчивается здесь на обычное «—гир» или «—л», но зато здесь окончание «—гие» (ед. ч.) и «—гир» (мн. ч.) добавляется к женским родовым названиям. Кима (м. р.), Кимагин и Кимагир (мн. ч. ж. р.), исключением из этого явля-

ется род Баяки, у которого образование женского рода иное, а именно Баяксин.

Из родственной терминологии здесь сохранились названия «аминми» (отец мой), «энинми» (мать моя) и «хутэв» (дочь или сын мой) для целой групы лиц. Разбор терминологии дает возможность установить четыре возрастных группы:

I. Деды, бабки (по прямой линии, а также старшие братья и сестры отца).

II. Отцы и матери (они же старшие братья и сестры матери, отцы и матери жен, старшие братья и сестры жены). В эту же группу относятся дяди и тетки (младшие братья и сестры отца и матери).

III. Я, мои старшие братья и сестры (родные и двоюродные), старшие дети старших братьев и сестер жены.

IV. Дети мои (они же внуки, мужья младших сестер, жены сыновей и мужья дочерей; сюда же входят младшие братья и сестры родные и двоюродные).

В каждой группе раньше были возможны брачные отношения между мужчиною и матерями жены его сына или между ним и матерями мужа его дочери, между ним и старшей сестрой жены его сына, между ним и младшими сестрами его жены, между ним и женами младших братьев его жены. Теперь браки совершаются между всеми родами и между разными ветвями одного рода.

В языке этой группы также имеются значительные расхождения с соседними тунгусами.

Прежде всего в этом диалекте имеются диффузные звуки «др», «тр», «нгр», сливающиеся в один звук. Первый звук имеется только в ламутском языке, он употребляется после сенорных «н», «л» и заменяет один из ассимилированных звуков других диалектов («олло—олдо—олдро»—рыба; «нанна—нанда—нандра»—шкура). «Тр» нигде не встречается и заменяет также один из ассимилированных звуков («оттын—оттрын—корохаль; «хататтэ—хаттрэ» — меховая опушка на одежде), но рядом с этим имеются и другие случаи, пока не поддающиеся об'яснению «опто—оптро» (легкое); «утумук—учумук—итрук» (затылок). «Нгр» употребляется в образовании названий местностей («имангра» — снежная речка, «шурингра — хариусовая речка). Подобный случай мы имеем только у тунгусов Вытимо-Олекминского водораздела, у остальных «нгр» заменено «нгн» (сурингна, имангна»).

В этом диалекте сохранились и другие формы: 1) отсутствие приращенных в других диалектах суффиксов «эвэн» (тунгус) у всех «эвэнки»; «инга» (шерсть), у всех «ингакта»; «ошин» (звезда), у всех «осикта»; онго» (нос), у

всех «онгокто»; «гира» (кость), у всех «гирамна»; «хагды» (пятка), у всех «агдыки»; «дьебдем» (ест) вместо «дьебдерн», «омоден» (приходит) вместо «омодерэн». 2) Существование выпавшего во многих случаях «г—в». Везде «дюг» (юрты), здесь «дюгил».

В отношении морфологии и лексики здесь имеется много общего с амурскими и восточными диалектами. Для образования имен прилагательных, обозначающих цвета, здесь употребляется суффикс «—рин», у соседних «—ма» («конгнорин» — черный, у соседних тунгусов «конгномо»). Для 3-го лица ед. ч. часто употребляют «суф—дан», «—тан», у соседних —«— ран» («гадан»— взял, у соседних «гаран», «буддан» — пропал, умер, у соседних «бурон», «омуттрэн», качает, у соседних «омучирэн»). употребляют манджурские слова «инэнги» (день), тунгусское, «тыргани», «шигун» (солнце), тунгусское «дылача». Многие названия зверей сходны с названиями у амурских тунгусов. Часто употребляют в оконч. 2-го лица ед. ч. «—е» вместо «—нни», что встречается только в негидальском языке.

Разбирая эти особенности, мы можем отметить следы большой первобытности и черты, связывающие их с тунгусами крайнего востока. К первым можно отнести следующие: 1) ходьбу во время охоты, оставление оленей без присмотра на период охоты; нарты и шкуры в качестве средства передвижения. Возможно, что эти черты получились от долгого сожительства с кетами, но вернее другое, а именно: это является следами того образа жизни (бродячая охота), с которым пришли сюда тунгусы. Приручение оленя повидимому произошло здесь и двумя путями. Санный способ езды зимою и иногда летом санки и упряжь самоедского типа, убой оленя через удушение также самоедского типа говорит за то, что они заимствовали это у самоедов, что отчасти может быть возможным для той группы, которая пришла сюда через северные лесо-тундры. Но сказания о происхождении оленей от медведя говорят о самостоятельном приручении оленя, что опять-таки возможно для группы, пришедшей сюда по южному пути. 2) Существование праздника оживления природы, воскрешения зверей (у соседей остяко-самоедов эта церемония имеет исключительно шаманский характер [1] говорит о том периоде, когда тунгусы занимались исключительно охотою. Позже к этому празднику присоединился, возможно не без остяцкого влияния, ибо остяцкие, кетские и остяко-самоедские шаманы до сих пор пользуются большим уважением и доверием,

[1]) Прокофьев, Г. Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов, Изв. Л. Г. У.—1930.

чем тунгусские, обряды обновления шаманских принадлежностей. 3) Наличие древней стадии родственной терминологии говорит о том, что раньше у тунгусов был групповой брак и заключался он между двумя группами. Наличие группового брака и существование для «родители» термина «энингэ) от «эни» (мать), а также распространенное среди тунгусов окончание родовых названий на «—гир» (окончание ж. рода) указывает на то, что у тунгусов был когнатический род. 4) Наличие диффузных звуков в языке, отсутствие приращенных суффиксов и существование «г» между двумя гласными являются следами ранней стадии языка.

Деревянный крючок для рыбной ловли, квадратный и зубчатый орнамент из шерсти, окраска через трафарет, значительные следы медвежьего культа, диффузный звук «др»; слова без суффиксов «—ка» и «—кта» и самоназвание «эвэн» приближает их к ламутам. Некоторые грамматические формы, частично лексика, приближают их к амурским тунгусам.

Все вместе взятое говорит за то, что эта группа тунгусов отделилась от обще-тунгусской группы в очень отдаленный период, в то время когда ламутский язык не сформировался в самостоятельный, когда олень не имел хозяйственного значения, когда они жили только охотой. О том, какими путями и откуда шли эти тунгусы, можно сделать некоторые предположения по историческим и лингвистическим данным.

Из родов мы имеем зарегистрированный в разное время род Баягир (может быть позже он же Буягир), он же Баяшинский. Здесь же мы имеем род Баяки. Считая, что суффикс — «ки» служит для образования названий людей, привычных к какому-нибудь делу («актаки», человек умеющий холостить оленей; а также холощенный олень) «эвэн» и «эвэнки», а также для образования описательных названий животных «хороки» (тетерятоковальщик); «туксаки» («заяц, бегун), в данном Баяки суфф. «—ки» («—киль» мн. ч. равносилен другим родовым суфф. «—гир», тем более, что образование ж. рода в данном случае не идет по обычной линии «—гин» и «—гир», а образуется через «—кшин» (ед. ч.) и «—кшир» (мн. ч.). Это дает возможность считать Баяки, Баягир, Баякишинский тунгусские роды и Буяксир ламуто-тунгусо-юкагирский род за один род. Возможно, что род ульчей Баяусели, встречающийся и среди ароков Сахалина, имеет общее с этим родом. У манджуров имеется древний род Баяра[1], «—ра» манджурское

[1]) T. Shirokogoroff „Sos org. of the munchus" p. 20—28.

окончание для родовых названий (Гохоро, гьоро, Ланкура, Нара).

По данным казачьих отписок мы видим Баягиров в 1639—46 гг. по рр. Куте и Вилюю [2] (лев. пр. Лены), в бассейне рр. Зеи, Уры [3] л. пр. Амура); в 1651 г. на реке Охоте [4]. При Миддендорфе этот род встречался на рр. Амме, Алдане, в Читинском округе; по Б. Хете в Туруханском крае. Во время переписи 1897 г. Баягири зарегистрирован в пределах Верхне-Амурского округа [5]) и Буяксир в низовьях р. Индигирки [6]). Сейчас мы имеем следующее расселение этого рода: от Енисея на восток по правым притокам Н. Тунгусски среди Турыжских тунгусов, по верхнему течению р. Хеты; дальше на восток они встречаются в бассейне Вилюя и кое-где в восточной части Якутии. В южной части—на истоках Нижней и Подкаменной Тунгусок (Токминский туз. сов.) и за Байкалом в верхней части бассейна Амура.

Таким образом расселение этого рода характерно для двух полос: одна от западной группы проходит через Туруханскую лесотундру к Вилюю и далее на восток, другая от западной группы к Ангаре, точнее Ангарского-Подкаменно-Тунгусскому водоразделу, отсюда к северу Байкала, затем через Баунтовский, Витимский и Каренгский районы к верхнему бассейну Амура.

В диалектиках этих двух полос мы имеем общие черты: это говоры скорее акающие, чем окающие и мекающие (из диалектических чередований «х-с-ш» и «х-хс-кш» здесь употребляют «ш» и «кш»), здесь нет ассимиляции «лд» и «нд» в «лл» и «нн». Начальное «х» произносится совсем незаметно и часто выпадает. Затем некоторые черты, общие для отдельных групп (о характерных чертах, соединяющих западную группу с ламутами, много уже указывалось); употребление «нгр» у западной и витимской групп; замена «я» звуками «н» в слове «лунгур» (вечер) у северо-байкальской, верхне-ленской, витимской групп и у ламутов, последнее иногда встречается и у енисейских тунгусов «лонгони» (весна) и «ненгнени» «нюнюрэн» (снег пошел) и «люнюрэн».

Общие черты в диалектах и распространение рода Баягир указывают на пути, по которым двигались эти тунгусы, оставляя на каждом более или менее длительном месте жительства своих сородичей.

Что касается других родов, то проследить исторически их расселение сейчас не представляется возможности за от-

2) Don. Акт. Ист. II, с. 229.
3) Ibid III, с. 51.
4) Ibid III, с. 320.
5) Патканов, Ibid I, в I, с. 2.
6) Ibid с. 71.

сутствием данных. Род Кима и другие являются частью ангарских тунгусов князя Данула, воевавшего с русскими в 1609 г.

Подводя итог всему, можно наметить в качестве рабочей гипотезы следующее: — В отдаленные времена, когда еще не произошло выделение ламутов из общетунгусской группы, а может быть и раньше, когда еще не выделились манджуры (род Баяра), предки этих тунгусо-ламуто-манджуров охотники кочевали в тайге по верхнему бассейну Амура. Затем исторические события в Манджурии заставили этих охотников передвинуться на север через Яблоновый хребет. Отсюда они распространились частью на восток до Охотского моря, частью, бродя по притокам Лены, вышли к последней и в разных местах от Куты до Вилюя перешли на левобережье. Это имело место до прихода якутов. Возможно, что ламуты в это время еще не диференцировались (среди долгин и ламутов имеются одинаковые родовые названия). Приход якутов заставил их перейти на верхние течения левых притоков Лены. Такое расселение застали русские казаки. Передовые шли дальше, через Туруханскую лесо-тундру, они дошли до Енисея и перешли через него. Другая часть, попавшая через Куту и Илиш на Ангару, также была отодвинута приходом бурят дальше на запад, часть из них осталась на нижней части бассейна Ангары, часть перешла через Енисей и, пройдя Кетские территории, заняла Обь-Енисейский водораздел, где задержалась надолго. Следовательно, западная группа тунгусов представляет собою передовую группу, которая отошла от обще-тунгусской народности в очень отдаленные времена и, попав в благоприятные географические условия и этническое окружение, до сего времени сохранила следы этой общетунгусской народности. Ибо если бы это произошло позже, то сейчас мы не имели бы в их быту и языке архаичных черт, а встретили бы то же, что имеем среди тунгусов водораздела Подкаменной и Нижней Тунгусок.

Передвижение же за Обь — позднейшее явление, вызванное исчезновением зверя в Обь-Енисейской тайге.
